

М.Е. Коровкина,

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Московского государственного института международных
отношений (МГИМО); e-mail: mekorovkina@gmail.com

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫХ ФАКТОРАХ ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается сложное взаимодействие компетентностных и интерпретационных факторов перевода. Интерпретация в переводе означает не только осмысление и толкование смысла ИЯ/ИТ (исходного языка/текста), но и его перевыражение лингвоспецифичными средствами ПЯ (переводящего языка — языка перевода). Границы интерпретации устанавливаются инвариантом смысла, правильное толкование которого требует высокого уровня развития компетенций переводчика. Компетентностный фактор в переводе неразрывно связан с личностью переводчика. При низком уровне развития языкового и концептуального тезаурусов переводчика он действует отрицательно, ограничивая возможности интерпретационного фактора. Хорошо развитые переводческие компетенции обеспечивают способность переводчика к глубокому осмыслению пресуппозиций и импликаций в ИЯ, служащих основанием для интерпретации в переводе и критерием выбора переводческих трансформаций, применяемых с целью преодоления межъязыковых асимметрий и недопущения межъязыковой интерференции. Межъязыковые асимметрии проявляются на всех уровнях языка и могут стать причиной межъязыковой интерференции, приводящей к языковым и переводческим ошибкам. Специфика действия компетентностного фактора зависит от направления перевода: при переводе с иностранного языка на родной главной трудностью является первая фаза интерпретации — осмысление и толкование смысла, при переводе с родного на иностранный — вторая фаза: подбор лингвоспецифичных средств выражения инварианта смысла.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, профессиональные переводческие компетенции (ППК), инвариант смысла, переводческая трансформация, межъязыковые асимметрии, языковой тезаурус, концептуальный тезаурус, пресуппозиции, интерференция.

В качестве первого шага при переводе переводчик в своем стремлении точнее передать смысл исходного языка и текста (ИЯ, ИТ) старается сохранить не только семантику, но и структуру оригинала. Передача структурно-семантических особенностей

ИТ в ПЯ/ПТ возможна только при языковых параллелизмах, что наблюдается на четвертом и пятом уровнях эквивалентности, согласно модели В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 2002: 119–130]. При наличии межъязыковых асимметрий (первый — третий уровни его модели) дословное воспроизведение структурно-семантических особенностей ИЯ/ИТ приводит к буквализмам и искажению смысла. В подобных случаях необходим отход от структурно-семантических особенностей ИЯ/ИТ, т.е. девербализация инварианта смысла, и его переформулирование лингвоспецифичными средствами ПЯ (его ревербализация в ПТ). Ключевым моментом остаётся сохранение инварианта смысла ИТ, ведь целью перевода как акта межкультурной коммуникации является передача коммуникативно значимой и контекстуально обусловленной информации ИТ в ПТ.

Основной трудностью при этом становится умение отличать языковой параллелизм от межъязыковых асимметрий, представляющих собой контекстуальные несоответствия, вызываемые своеобразием языковых картин мира ИЯ и ПЯ. Анализ межъязыковых асимметрий показывает, что все они связаны с прагматическими факторами перевода. Это значит, что переводчик, кроме знания ИЯ и ПЯ, должен обладать способностью различать особенности построения дискурса в ИТ и ПТ, а также экстралингвистическими знаниями, способствующими правильному осмыслению ИТ и его интерпретации. Это помогает находить готовые переводческие соответствия в ПТ или применять переводческие трансформации для передачи инварианта смысла в случае межъязыковых асимметрий, когда буквальный перевод, как уже было сказано, невозможен.

Таким образом, кроме знаний ИЯ и ПЯ, владения технической стороной перевода (способностью к переключению с одного языка на другой и девербализацией/ревербализацией инварианта смысла), переводчик должен располагать знаниями о внеязыковой действительности. Возможность вовлечения в перевод внеязыковой ситуации основывается на общности знаний коммуникантов — участников межкультурной коммуникации, что на практике реализуется в необходимости владения переводчиком, выполняющим роль межъязыкового и межкультурного посредника, пресуппозициями в ИЯ и ПЯ [Падучева, 1985; Лурия, 1998; Fillmore, 1969]. Пресуппозиции могут быть языковыми — семантическими, указывающими на определённые семы или компоненты смысла в словах, и референциальными, выделяющими конкретные денотаты (референты). Кроме того, они могут быть прагматическими, относящимися ко всей внеязыковой ситуации, описываемой в тексте или в его отрезке (фоновыми знаниями).

Осознание пресуппозиций позволяет переводчику в процессе перевода проводить постоянный анализ лингвистических, дискурсивных, экстралингвистических и прагматических особенностей ИТ для их последующей передачи в ПТ с сохранением инварианта смысла. Кроме знания пресуппозиций, он должен владеть целым комплексом профессиональных переводческих компетенций, умений и навыков. Этот комплекс представлен ниже в виде блок-схемы — модели профессиональных переводческих компетенций (ППК), отражающей в сжатой, компактной форме компетентностный фактор перевода. Такая модель основана на достижениях отечественных и зарубежных учёных, работающих в этой области [Гавриленко, 2008], представителей испанской школы перевода [Orozco, 1996; Presas, 1996].

В эту модель входят три блока компетенций. Первый блок — *коммуникативная компетенция* — включает *лингвистическую* (языковую) и *прагматическую* составляющие. Последняя состоит из *дейктической* (характеризующей параметры коммуникативной ситуации), *дискурсивной* (учитывающей правила построения текста в ИЯ и ПЯ) и *социокультурной* (реализующей межкультурную компетенцию в речи) подкомпетенций.

Второй блок отражает *экстралингвистическую компетенцию*, соотносящуюся с языковым и концептуальным тезаурусом личности переводчика и объединяющую знания: а) *культурного контекста* двух языков (т.е. межкультурные сведения) б) *предметных областей*; в) и *информацию о мире* (энциклопедические представления). Эта компетенция подразумевает знания упомянутых выше пресуппозиций ИЯ и ПЯ, что означает владение картиной мира двух языков. Картина мира родного языка хотя и формируется с детства, некоторые её аспекты расширяются и углубляются в процессе обучения. Картину мира иностранного языка человек осваивает только в процессе обучения (если речь не идёт о биллингвизме).

Третий блок модели ППК объединяет *профессиональные компетенции* переводчика, т.е. его специфические когнитивные способности в области обработки информации и переводческой интерпретации, о чем речь пойдёт ниже. Он также состоит из нескольких компонентов:

а) *способности к переключению* — умению переключаться с ИЯ на ПЯ, переходя от поверхностных языковых структур к глубинным смысловым и наоборот (от девербализации к ревербализации);

б) *способности к инференции* — умению делать логические выводы на основе понимания имплицитных структур языка и речи (подтекста). Такое понимание при описании ситуации в ИЯ и ПЯ,

связанное со знанием пресуппозиций, способствует формированию следующей когнитивной способности, также входящей в третий блок;

в) *технологической (интерпретационной)*, позволяющей применять конкретные переводческие трансформации и приёмы в случаях межъязыковой асимметрии.

[Коровкина, 2017]

Рис. 1. Модель профессиональных переводческих компетенций

Модель ППК универсальна и эффективна при любых видах перевода (письменного и устного — синхронного и последовательного). Она наглядно показывает, каким сложным комплексом профессиональных компетенций должен располагать переводчик, для того

чтобы быть способным правильно интерпретировать смысл ИТ и передавать его инвариант в ПТ.

Интерпретацию мы трактуем в духе семиотических подходов к переводу. Прежде всего это — «фундаментальное действие интеллекта — понимание и объяснение» [Крюков, 1988, с. 44]. Однако интерпретация в переводе, в отличие от других областей, имеет двойную цель — здесь речь идёт не только о выявлении смысла в ИТ, но и о его толковании и воссоздании в ПТ с помощью выразительных лингвоспецифичных средств ПЯ [Гарбовский, 2004: 213; Иванов, 2014: 120, 129; Мишкурин, 2013: 71]. При переводе отходу от инварианта смысла препятствует необходимость соблюдения требования переводческой эквивалентности, в соответствии с которым стараются передать не только смысл, но и форму единицы перевода. Разные виды буквализмов, выражающиеся в ПТ кальками различного вида, можно обойти, выполняя требование адекватности. При учёте прагматических факторов в процессе перевода эквивалентность и адекватность тесно взаимодействуют. По мнению Н.В. Иванова, эквивалентность означает соответствие ПТ тексту ИЯ по форме, а адекватность — по содержанию [Иванов, 2015: 54]. Взаимоотношения и взаимодействия факторов эквивалентности и адекватности в переводе убедительно подтверждает следующая цитата: «Категория эквивалентности представляет собой установку на максимально полное содержательное, стилистическое, функциональное соответствие между ИТ и ПТ, на воспроизведение индивидуального авторского стиля для определённых типов текста, а категория адекватности направлена на приближение переводного текста к восприятию получателей в другом языке и культуре» [Евтеев, 2017: 265]. Подытоживая сказанное, можно прийти к заключению, что эквивалентность направлена на ИТ, а адекватность — на ПТ. При отсутствии языковых параллелизмов между ИТ и ПТ переводчик ищет адекватные выразительные средства в ПТ, т.е. обращается к интерпретации.

Это происходит прежде всего в случаях межъязыковых асимметрий, которые проявляются на всех уровнях языка и речи — на грамматическом, семантическом, стилистическом и прагматическом, — и могут приводить к пресуппозиционной языковой интерференции и языковым ошибкам в аспекте ПЯ/ПТ. Знание пресуппозиций, отражающих различия в картинах мира ИЯ и ПЯ, помогает переводчику избегать буквализмов и искажений или даже потери смысла: он предвидит и осознает факт межъязыковой асимметрии и преодолевает её, прибегая к переводческим трансформациям.

Трансформации мы рассматриваем как интерпретационные фигуры, в основе которых лежит оппозиция смысла и референции. В практической плоскости это ведёт ко взаимозаменяемости элементов и признаков описания ситуации в двух языках. Ради сохранения смысла переводчик меняет способ языкового выражения и порядок обозначения реальности, выбирая способы описания предметной ситуации, типичные для ПЯ.

Систематизация переводческих трансформаций и приёмов, содействующих разрешению проблем межъязыковой асимметрии, снижает уровень интерференции при переводе с родного языка на иностранный и повышает качество перевода.

В лингвокультурном, предметном и собственно языковом аспектах преодоление возможных случаев интерференции может достигаться самыми различными способами. Это может быть замена образа, нейтрализация образа путём семантического преобразования, использование приёма семантического стяжения, различного вида метонимий (собственно метонимий, генерализаций, конкретизаций, антонимического перевода). Практически во всех трансформациях так или иначе происходит изменение либо адреса, либо порядка предметного обозначения. Рассмотрим различные варианты более подробно.

Прежде всего, межъязыковые асимметрии, разрешаемые при помощи переводческих трансформаций и приёмов перевода, вызываются различиями в семантической структуре слова, что проявляется в несовпадениях в:

- образах, лежащих в основании метафор. Для преодоления таких различий применяются следующие приёмы:

- замена образа:

*Он предостерег министров от «головокружения от успехов» и велел заботиться «о **закромах Родины**».* — *He warned ministers against getting dizzy with success and told them to be thrifty with **treasury funds/ treasury coffers**.*

- описательный перевод (по сути, представляющий собой метонимии):

*Президент вспомнил и про **закрома** Родины.* — *The president said that the government must be **thrifty**.*

- метонимия-термин:

*а) Мы не можем позволить себе ситуацию, при которой будем распределять то, чего нет **в закромах Родины**».* — *“We cannot afford to allocate funds which will not be available **in the budget**”.*

b) С закромами в 2002 году все будет в порядке, если цены на нефть не спустятся ниже \$ 23,5 за баррель. — The 2002 budget will have a surplus if the oil price does not fall below \$23.5 per barrel.

Выше были приведены примеры перевода развёрнутой метафоры (термин А.Д. Швейцера, 1973) русского языка «закрома Родины», значение которой обыгрывается в тексте. В связи с этим она переводится на английский язык при помощи разных переводческих приёмов, в зависимости от контекстуальной интерпретации смысла.

- сочетаемости, которая также зависит от семантической структуры слова. Например:

Экономический кризис 1998 г. поставил положение компании под угрозу, поскольку покупательная способность российских потребителей резко сократилась. — The 1998 economic crisis threatened that position, as the purchasing power of Russian consumers was dramatically curtailed.

Основные ошибки при переводе словосочетаний выражаются в передаче прямого (буквального) значения слова вместо переносного (метафоричного): часто стёртая метафора не воспринимается как метафора.

- признаках описания ситуации, что обуславливает метонимические сдвиги, включающие конкретизацию, генерализацию, различного вида конверсивы. Несовпадения в картинах мира приводят к межъязыковым асимметриям, что проявляется в различиях в выборе признаков описания ситуации. На замене признаков, их импликации или, наоборот, экспликации, основаны все семантические трансформации, которые, по сути, представляют собой различные виды метонимий. Рассмотрим возможные варианты.

– **Конкретизация** заключается в уточнении, конкретизации при переводе смысла слов широкой семантики русского языка, в соответствии с требованиями контекста и нормами сочетаемости. Например:

Ресурсы, сконцентрированные в государственных финансах, вновь направляются в народное хозяйство в виде различных вложений... — Resources accumulated by the government are reallocated into the national economy as industrial subsidies and social allowances.

Деньги шли на проекты, которые терпели крах или приносили слишком мало прибыли. — The money was wasted on projects that went bankrupt or could not generate sufficient profits.

– **Генерализация** используется при необходимости замены слова русского языка с более узкой семантикой английским словом более широкой семантики:

*Различаются два типа ценных бумаг: фондовые (акции, облигации) и коммерческие (векселя, чеки). — **There are two types of securities: stock (shares and bonds) and commercial (bills and cheques).***

*Правительство — самый полезный союзник компаний в борьбе с конкурентами. — **The government is the most useful ally a company can have when dealing with competitors.***

– Собственно **метонимии** — при их использовании возможны разные виды преобразований, соответствующие логическим отношениям между признаками описания ситуации в ИЯ и ПЯ. Это может быть замена процесса причиной или результатом, причины — следствием, исходной фазы действия конечной и наоборот и т.д.:

*При проведении аудиторских проверок в соответствии как с российскими, так и международными стандартами, KPMG использует свою уникальную методiku. — **To conduct auditing activities according to Russian and international standards KPMG has developed unique methods** (процесс — результат).*

*Многие люди, потерявшие работу, до сих пор её не нашли. — **Many of those who have lost their jobs are still unemployed** (причина — следствие).*

– **Антонимический перевод**, представляющий собой замену отрицательной формы утвердительной и наоборот.

*Участники согласились, что главное требование к закону — чтобы он не давал возможности использовать банкротство в недобросовестной конкурентной борьбе. — **The participants agreed that the new law should prevent unscrupulous competitors from using bankruptcy as a tool in corporate battles.***

Выше были представлены примеры наиболее часто встречающихся трансформаций семантического уровня — метонимий, объединяющих, в связи со взглядом на проблему с точки зрения интерпретации, все семантические сдвиги (конверсивы, контекстуальные синонимы), а также приёмы перевода метафор. Объясняется это, что метафора и метонимия — два основных инструмента концептуализации и категоризации действительности: «метафора и метонимия помогают осмыслять непредметные сущности в привычных и простых представлениях и становятся настолько распространённым способом концептуализации, что не осознаются носителями языка» [Рябцева, 2005: 58]. Именно они становятся причиной межъязыковых асимметрий. Ещё одним важным языковым аспектом, связанным с языковой картиной мира, является представление в тексте имплицитной информации, т.е. имплицитных моделей языка. Нередко это выражается:

- в степени детализации описания ситуации в двух языках.

– Ярким примером более имплицитного характера английского языка может служить приём семантического стяжения, создающий ёмкие по смыслу обозначения в ПЯ, когда одно слово может обозначать целую ситуацию:

*Его аналитики заранее подсчитали, к каким **негативным последствиям** может привести **дальнейшее развитие сложившейся ситуации**, в том числе и для крупных игроков, если вовремя не предпринять срочных, неотложных мер. — *The bank's analysts had made estimates of **the damage** that could be inflicted by **a worst-case scenario** if regulators did not take urgent measures.**

– Более имплицитный характер английского языка проявляется и на уровне синтаксиса. Важным основанием для структурно-семантических расхождений между ИЯ и ПЯ может стать явление грамматического анимизма (термин В.Г. Гака, 1998), при котором неодушевлённое существительное в английском языке выступает в роли субъекта действия и занимает грамматическую валентность подлежащего. В традиционных классификациях переводческих трансформаций представлены грамматические замены, когда второстепенный член русскоязычного высказывания превращается в подобное подлежащие в английском языке. На наш взгляд, это служит примером изменения баланса имплицитных и эксплицитных признаков, используемых при описании ситуации в ИТ и ПТ. Такая трансформация применяется в том случае, если в высказывании русского языка подлежащее следует за сказуемым (в случае обратного порядка слов). Например:

***Из-за корпоративных скандалов и обвала акций интернет-компаний произошло резкое падение инвестиций.** — *Corporate scandals and the Internet companies' stocks collapse **triggered/caused** a drastic drop in investments.**

Иногда данную трансформацию используют и при прямом порядке слов в ИЯ, так как она позволяет сделать высказывание английского языка более имплицитным:

После нескольких лет препирательств «зелёный континент» пошёл с островитянами на мировую, согласившись выплатить \$73 млн в течение 20 лет.** — ***Several years of litigation resulted in an out-of-court settlement: Australia consented to pay the island \$73 million over a period of 20 years.*

Другие приёмы и трансформации, традиционно выделяемые на грамматическом уровне, также связаны с имплицированием или эксплицированием признаков описания ситуации в ИЯ и ПЯ.

Например, членение и объединение высказываний, развёртывание редуцированного предиката и перевод цепочек существительных и др. ИмPLICITных моделей на уровне слов, словосочетаний и предложений-высказываний (и даже сверхфразового единства) очень много, и они соотносятся с единицами перевода, но их сравнительно-сопоставительный анализ в ИЯ и ПЯ в задачи данной статьи не входит.

Не менее значимая проблема при интерпретации смысла при переводе возникает под влиянием экспрессивной функции языка. Стилистические приёмы, выражающие экспрессию, в каждом языке лингвоспецифичны. Их перевод часто возможен только посредством стилистической адаптации или использования приёма компенсации, так как при переходе от ИТ к ПТ сохранение структурно-выразительных средств языка оригинала достигается крайне редко. Но вместе с тем смысл экспрессивных средств может и должен быть передан. Например:

*Правда, организаторы подобных трюков все чаще оказывались за решёткой: один из них — Стивен Саккоchia — в 1991 г. **загremел** на 660 лет. Услышав приговор, он спросил у судьи: «Как же я смогу просидеть так долго?» На что судья ответил: «А ты постарайся как следует». — However, today financial manipulators **masterminding** such schemes tend **to end up** behind bars more frequently. One of them, Steve Saccochia, **was sentenced** to 660 years in prison in 1991. When he heard the verdict, he asked the judge: “How can I serve such a long sentence?” The judge replied: “Try as hard as you can”.*

Глагол *загremеть* передан нейтральным глаголом *to be sentenced to*. При этом в предложении появляются такие экспрессивные глаголы как *to mastermind*, *to end up*. Конечно, измерить степень экспрессии часто бывает затруднительно. Её восприятие имеет чисто интуитивный и субъективный характер: нередко приходится полагаться на чувства и вкусы носителей языка [Коровкина, 2017: 22]. Тем не менее, в качестве ограничительного средства всегда выступает инвариант смысла.

Сложное взаимодействие компетентностного и интерпретационного факторов перевода продемонстрировано нами на материале перевода с русского языка (ИЯ) на английский (ПЯ). Как известно, традиционно исследования по теории перевода проводятся на основе перевода с иностранного языка на родной, так как это направление долгие годы считалось единственно возможным. Перевод с иностранного на родной язык сохраняет свою значимость в международных организациях, так как при таком направлении легче контролировать интерференцию, чем при переводе с родного на

иностранный язык. Однако в настоящее время перевод с родного языка на иностранный становится более востребованным, и растёт интерес к научным исследованиям в этой области.

Границы интерпретации и выбор переводческой трансформации в полной мере зависят от компетентностной подготовки переводчика, от уровня его языкового мышления как вторичной языковой личности в аспекте иностранного языка как языка перевода. В предметном аспекте его слабая компетентностная подготовка ведёт к более сложным и радикальным переводческим трансформациям, почти к вольному переводу, и в целом снижает профессиональное качество перевода. А низкая языковая компетенция становится причиной недостаточного учёта лингво-культурного фактора и нежелательного структурного буквализма.

Список литературы

Гавриленко Н.Н. Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации. М.: РУДН, 2008. 176 с.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004. 544 с.

Евтеев С.В. Перевод — эквивалентно — насколько возможно, и адекватно — насколько нужно // Вестник Брянского государственного университета. Брянск: РИО БГУ, 2017. № 1 (31). С. 262–267.

Иванов Н.В. Антиномии интерпретации: начала анализа // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях. Материалы VIII Межд. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (27 июня 2014 г., Москва). М.: Международные отношения, 2014. С. 110–135.

Иванов Н.В. Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода». М., 2015. № 4. С. 34–65.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Коровкина М.Е. Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 241 с.

Коровкина М.Е. Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Военный университет МО РФ. М., 2017. 27 с.

Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис. ... д-ра фил. наук. М., 1988. 442 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 416 с.

Мишкурое Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Серия 22 «Теория перевода». М.: МГУ, 2013. № 1. С. 69–91.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 272 с.

Рябцева Н. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воен. изд-во Мин. обор. СССР, 1973. 280 с.

Fillmore Ch. Types of Lexical Information. In: Studies in Syntax and Semantics. Ed. F. Kiefer. Ch. Fillmore. Dordrecht, 1969, pp. 109–137.

Orozco M. Building a Measuring Instrument for the Acquisition of Translation Competence in Trainee Translators. Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins. M. Orozco. London: AFLS, 1996, pp. 199–200.

Presas M. Bilingual Competence and Translation Competence. In Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives / edited by P. Sewell and J. Higgins. M. Presas. London: AFLS, 1996, pp. 19–33.

Marina Ye. Korovkina,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer, MGIMO-University, Russia;
e-mail: mekorovkina@gmail.com

INTERPRETATION AND COMPETENCE FACTORS IN TRANSLATION

The article deals with a complex interrelation of competence and interpretation factors in translation. In translation, interpretation implies both the understanding of the sense presented in the Source Language/Source Text (SL/ST) and its expression in the Target Language/Target Text (TL/TT) through the use of language-specific means. The limits or boundaries of interpretation are established by the invariant sense, and its adequate rendering requires a high level of professionalism. The competence factor in translation is intrinsically tied to the translator's personality. If the translator's language and conceptual thesaurus are poorly developed, this factor can produce a negative effect, as it limits the interpretation factor. Well-developed translator's competences facilitate an in-depth understanding of presuppositions and implications in the SL, which serve as the basis for interpretation in translation and the criterion for the choice of transformations (shifts) used to cope with interlingual asymmetries and prevent interlingual interference. Interlingual asymmetries are present at all language levels and can cause interlingual interference that, in its turn, leads to language and translation errors. The competence factor produces impacts

depending on the direction of translation: in the course of translation from a foreign language into the mother tongue the challenge is presented by the first phase of interpretation, viz. understanding, while in the course of translation from the mother tongue into a foreign language the difficulty lies in the choice of idiomatic means to express the invariant sense.

Kew words: translation, interpretation, professional translator's competences (PTC), invariant sense, translation transformation (shift), interlingual asymmetries, language thesaurus, conceptual thesaurus, presuppositions, interference.

References

Evteev S.V. Perekod — equivalentno — naskolko vozmozhno i adekvatno — naskolko nuzhno [Translation is equivalent to the limit of possibility and adequate to the limit of necessity]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskiye nauki i archeologiya, Literaturovedeniye, Iazykosnaniye, Pedagogicheskiye nauki*. Briansk: RIO: UE, 2017. No. 1 (31), pp. 262–267 (in Russian).

Gavrilenko N.N. Obucheniye perevodu v sfere professionalnoy kommunikatsii [Teaching translation in professional communication]. Moscow: RUDN, 2008, 176 p. (in Russian).

Gak V.G. Iazykovyie preobrazovaniya [Language transformations]. Moscow: Iazyki russkoi kultury, 1998, 768 p. (in Russian).

Garbovskiy N.K. Teoriya perevoda [Theory of translation]. Moscow: MGU, 2004, 544 p. (in Russian).

Ivanov N.V. Antinomii interpretatsii: nachala analiza. Yazyk kak sistemnaya realnost v sotziokulturnom i kommunikanivnom izmereniyakh [Antinomies of interpretation: the first steps of analysis. Language as systemic reality of socio-cultural and communicative dimensions]. *Materialy VIII mezhd. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatsii* (June, 27, 2014, Moscow). Moscow: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 2014, 110–135 pp. (in Russian).

Ivanov N.V. Dihotomii perevoda (k ontologicheskim osnovaniyam opredeleniya nauchnogo objekta perevodovedeniya) [Translation dichotomies (to the ontologic bases of definition of a scientific object of theory of translation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2015. No. 4, pp. 34–65 (in Russian).

Komissarov V.N. Sovremennoye perevodovedeniye [Modern Translation Studies]. Moscow: ETS, 2002, 424 p. (in Russian) (thesis).

Korovkina M. Teoreticheskiye aspekty smyslovogo modelirovaniya spetsialnogo perevoda s rodnogo yazyka na inostranniy (na materiale publitsicheskikh tekstov ekonomicheskoi tematiki): kandidat philolol. nauk. [Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse): thesis of Cand. of Sciences (Philology)]; the RF Military University, Moscow, 2017, 241 p. (in Russian).

Korovkina M. Teoreticheskiye aspekty smyslovogo modelirovaniya spetsialnogo perevoda s rodnogo yazyka na inostranniy (na materiale publitsicheskikh

tekstov ekonomicheskoi tematiki): extended abstract of candidate's thesis philolol. nauk [Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse): synopsis of a thesis of Cand. of Sciences (Philology)]; the RF Military University, Moscow, 2017, 27 p. (in Russian).

Kriuikov A.N. Metodologicheskiye osnovy interpretativnoy kontseptzii perevoda [Methodological basis of the interpretative concept of translation]: kandidat thesis fil. nauk. Moscow, 1988, 442 pp. (in Russian).

Luriya A.R. Yazyk i soznaniye [Language and mind]. Rostov-on-Don: Fenix, 1998, 416 pp. [in Russian].

Mishkurov E.N. O "guermenevticheskom povorote" v sovremennoi teorii i metodologii perevoda (part I) [On hermeneutic shift in the modern theory and methodology of translation], Moscow: MGU, 2013, No. 1, pp. 69–91 (in Russian).

Orozco M. Building a Measuring Instrument for the Acquisition of Translation Competence in Trainee Translators. Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins. M. Orozco. London: AFLS, 1996, pp. 199–200.

Paducheva E.V. Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitelnosti: referentsialnye aspekty semantiki mestoimenyi [Utterance and its relation to reality: referential aspects of semantics of pronouns]. Moscow: Nauka, 1985, 272 p. (in Russian).

Presas M. Bilingual Competence and Translation Competence. In Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives / edited by P. Sewell and J. Higgins. M. Presas. London: AFLS, 1996, pp. 19–33.

Riabtzeva N. Yazyk i estestvenniy intellect [Language and human intellect]. Moscow: Academia, 2005, 640 p. (in Russian).

Schweitzer A.D. Perevod i Linguistika [Translation studies and linguistics]. Moscow: Voen. izd-vo Min. obor. SSSR, 1973, 280 p. (in Russian).

Fillmore Ch. Types of Lexical Information. In: Studies in Syntax and Semantics. Ed. F. Kiefer. Ch. Fillmore. Dordrecht, 1969, pp. 109–137.